

Некоторые сведения об оплате труда труженников тыла в годы Великой Отечественной войны

М.Г. Полевикова, студ. гр. 17990
Научный руководитель: Пономарёв В.А., доц. каф. ГОИЯ
Юргинский технологический институт (филиал)
Томского политехнического университета
652055, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 26
тел. 8-(38451)-5-31-99

Тема оплаты труда в тылу, в годы Великой Отечественной войны, является малоозвученной. Сколько получали граждане СССР в военные годы?

Председатель Госплана СССР Николай Александрович Вознесенский в своей книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» отмечал, что зарплата рабочего в союзной промышленности СССР ежемесячно составляла 375 руб. В 1940 году она увеличилась до 573 руб., что выше почти на 53%. В черной металлургии зарплата могла доходить до 697 руб., а в угольной – 729 руб. Оплата труда работника инженерно – технической структуры, за тот период возросла с 768 руб. до 1209 руб.

Исходя, из вышеуказанного можно сделать вывод, что средняя зарплата рабочих в союзной промышленности составляла в 1940 году 375 рублей. Необходимо учитывать, что в СССР существовали два типа предприятий: союзного и республиканского подчинения, а также местная промышленность. В союзной промышленности средняя зарплата была более высокой, в местной – более низкой.

Вознесенский не случайно сослался именно на зарплаты в союзной промышленности. В наиболее невыгодном положении, как правило, находились колхозники, чьи реальные доходы были намного ниже, чем у горожан. Итак, среднемесячная зарплата в союзной промышленности – 375 рублей в 1940 году, в 1944 году – 573 рубля.

Подтверждением слов главы Госплана могут быть только воспоминания ветеранов о своих зарплатах.

Ройтман Яков Товьевич передавал, что в 1936 году он начал работать строгаальщиком на заводе имени Ленина в Одессе. В цеху стояли два станка – немецкий и японский. Цех считался «закрытым» и выполнял только военные заказы. Работали в три смены, каждая по восемь часов. Решил начать самостоятельную жизнь и снял комнату в доме у старушки. Помнит свою первую зарплату – 720 рублей. Эта сумма казалась ему огромной.

«Закрытый» цех с военными заказами в советскую эпоху – даже спустя несколько десятилетий после войны – это подразумевало серьёзную оплату труда.

Бутов Пётр Петрович отмечает, что в детстве он мечтал быть военным, но к ним в область приехали работники комбината «Ростовуголь» и уговорили его поступить в горнопромышленное училище, где он и работал год в шахте №15-16 г. Гуково, механиком электровоза вагонеток. В то время, в 1939 году, он зарабатывал около тысячи рублей в месяц.

Титов Фёдор Иванович упоминал, что окончил училище он в 1936 году, получив специальность, слесарь-паровозник 3-го разряда, и был направлен на работу в депо. Первый месяц учеником, а потом начал самостоятельно работать. До ухода в армию он отработал 3 года 9 месяцев. Вырос с 3-го разряда до 6-го. Хорошо жил. Зарабатывал хорошо. У него даже часы были. Одевался хорошо. Лучший костюм на заказ стоил 500 рублей – он за месяц столько зарабатывал. Хотя первый месяц заработал 120 рублей. Но потом бригадир почувствовал, что он может работать, и дал шабровку золотников – пятнышки шабером убирать. Разобрать золотник, пришабрить золотник и лицо, и собрать стоило 23 рубля. Он всю операцию проделывал за восьмичасовой рабочий день.

Борисов Михаил Владимирович вспоминает, что он окончил аэроклуб. У него очень хорошо получалось. Хотели ставить инструктором. 750 рублей платили. Это в 1940 году большие деньги. Полное обеспечение. Бесплатная форма одежды, бесплатное питание, условия отличные.

Дерябина (девичья фамилия – Рыжкова) Клавдия Андреевна, работавшая инструктором аэроклуба вспоминает, что аэроклуб был на полном обеспечении. Утром они завтракали в столовой, а обед и ужин нам привозили на аэродром. Инструкторы жили на частных квартирах. Платили им 625 рублей – по тем временам – большая зарплата.

Анкудинов Павел Ефимович освещает следующие события: стал инструктором. Жил в Оренбурге на частной квартире. За ними по городу ездил автобус – собирал на занятия. На первом курсе он получал 100 рублей, на втором – 110: итак каждый год по 10 рублей прибавляли, а инструктором

уже получал 700 рублей, не говоря уже об отличном обмундировании и бесплатном питании по норме 8а – шоколад и всё, что хочешь. Жили хорошо, этого не отнять.

Во время встречи и беседы с ветераном «Юргинского машиностроительного завода» (Кемеровская область, г. Юрга) Жиздюком Петром Дмитриевичем, 29.01.1926 г.р. выяснилось, что в период с 1942 по 1988 гг. он работал на «Юрмаше». «В 12 ноября 1942 г. был мобилизован, вместе с другими 16-17 летними подростками из Саратовской области, в Юргу (согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г.). Выдали нам валенки и банку компота. Нас погрузили в состав из товарных вагонов, около 90 человек. Путь был трудным на соломе в ноябре. Когда прибыли, увидели голое место, не было ни цехов, ни корпусов. Учебного заведения ФЗО-49, как такового, тоже не было, мест проживания также не было.

Работал наш цех без выходных и праздничных дней всегда. Работали в три смены. Не доходя до проходной, было слышно, как работал наш цех.

Одевались мы в робу. Сменной обуви не было, некоторые ходили в деревянных колодках, а сверху была парусина, прибитая к ней гвоздями.

Получал я только по тарифу – около 400 рублей. Те, кто работал на основном производстве, им доплачивали за выработку, соответственно денег они получали больше. Денег хватало только на еду. Покупали картофельные лепёшки, их привозили из села Зимник. Отоваривались по карточкам. В столовой нас кормили капустой. Она была и на первое и на второе, ещё давали по 700 гр. хлеба.

Есть хотелось всегда, но чувство голода мы удовлетворяли своеобразно: танцами, на ложках играли, на баяне, гуляли. Помогали облагораживать город.

Взрослых призывали на фронт, а мы поехали на трудовой фронт. Мы ковали победу на рабочих местах!» [1].

Савельев В.Ф., работник Юргинского машиностроительного завода вспоминал, что иногда, когда был срочный заказ, то они работали по 12 часов в сутки, без отгулов, а платили им по 2 оклада; также, при выполнении задания полагалась премия.

Зарплата рабочих, лётчиков и особенно шахтёров были выше средних и получали они хорошие деньги. Доходы колхозником были же намного ниже.

Ковалёва Надежда Дмитриевна вспоминает, что в 1939 г. она отправилась в город по причине страшной бедности, ведь в колхозе все работали за «палочки». «Палочками» неофициально назывались трудодни – мера оценки и форма учёта количества и качества труда колхозника в колхозном производстве. Рабочие предприятий получали зарплату, но в колхозах не было зарплат для рядовых колхозников, и весь доход после выполнения обязательств перед государством (обязательные поставки и внесения натуроплаты в МТС) поступал в полное распоряжение колхоза и колхозников, причём каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням.

Из разговора с Тимофеевой (девичья фамилия – Стёпкина) Любовью Кузьминичной, 15.05.1926 г.р., с. Поперечное: «Родилась я в с. Поперечное. Окончила 7 классов. Потом маме сказали платить 120 руб. за моё обучение. В семье у нас было четверо детей: двое мальчиков и две девочки. Пошла работать в колхоз.

Работали мы за трудодень. Ничего не получали. Только осенью за трудодень нам давали 300-400 гр. зерна, а однажды вышло только по 250 гр.

Осенью и зимой нас возили на лесозаготовку в д. Новогутово. Мальчишки деревья валили, а мы сучки связывали. Жили у лесника. От села нам дали мешок муки. Из неё нам пекли хлеб, а ещё варили какой-нибудь суп.

В 1942 году училась в ФЗО. Нас водили обедать в столовую на первом участке. Давали капусту, брынзу и хлеба 700 гр.

Устроилась на завод, бухгалтером, платили мне 60 рублей в месяц. Потом я перешла в цех №16 (ЗИП). Работа была физически сложнее, зато мне ежемесячно помимо тарифа платили ещё и 10-15 руб. премии. Проработала я там до 1973 г.» [2].

Из воспоминаний С.Д. Плотникова, бухгалтера главной бухгалтерии Юргинского машиностроительного завода: работал он в то время с 8 часов утра до 20 часов вечера. Зарплату не платили по нескольку месяцев. Его мама, Мария Андреевна Алифанова, как и многие эвакуированные женщины, ходила по деревням и меняла вещи на картошку, сало. Их часто посылали работать в подсобном хозяйстве завода, которое было на другом берегу реки Томи. Жали овес, копали морковь, брюкву.

Из разговора с Асановым Михаилом Васильевичем, 31.08.1926 г.р. в д. Филоново, Красноярского края, ветераном Юргинского машиностроительного завода: «Всё началось, когда я учился ещё в школе. Летом приходилось работать на полях, осенью снопы носили, вязали. Лошадей всех сдали, работали на быках. За работу ставили «палочку». Потом осенью зерно давали. Помню в 1942 году налог был «на картошку». Вот чистишь дома картошку, а очистки должен посушить в печке: их на фронт отправляли. В 16 лет я ушёл на фронт. Учился в Ачинске 3 месяца. Выдали мне гимнастерку и брюки, на зиму тёплое белье. Были ещё ботинки и обмотки: в них я и прошёл весь фронт» [3].

Ветеран Юргинского машзавода Валентина Михайловна Шурпик вспоминает, что её учёба в ФЗО-49 началась ещё тогда, когда она училась в седьмом классе школы. Учёба в ФЗО необходима была для поступления на завод. В апреле 1943 года ей было 14 лет. Через год она уже пришла в цех №23 крановщицей. Работали тогда много, было трудно, холодно, не очень сытно, но завод стал её вторым домом, а она – кормильцем семьи, ведь её мама не работала, и были в семье ещё два младших брата. Она хорошо запомнила, что первая зарплата у неё была 423 рубля.

Вознесенский в своей книге написал следующее: наибольший рост заработной платы в народном хозяйстве, особенно в промышленности СССР, за годы Отечественной войны имел место в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири, которые несли на себе основную тяжесть снабжения фронта военной техникой. Но приведённые им цифры показывают, что никакого принципиального увеличения заработной платы в годы войны не происходит. На таком фоне получается, что наводчик орудия, подбивший вражеский танк (500 рублей), получал за это почти среднемесячную тыловую зарплату. А уж пилот, отбомбившийся по Берлину, Будапешту или Хельсинки (2000 рублей), получал почти четыре среднемесячных зарплаты 1944 года.

Из воспоминаний Зинаиды Алексеевны Пронякиной, работавшей во время войны в Москве на авиационном заводе: по карточке было положено 500 граммов сахара на месяц. Но давали 250 граммов сахара, а вместо других 250 граммов давали печенье-галеты – это на месяц. Получают в гастрономе эти галеты, идут с подружкой домой, и не доносили их. Пока шли до дома, они их все съедали. Невозможно передать, как им хотелось есть. Ужасный был голод. Есть хотелось всегда. Хлеба им давали граммов 500. Он был очень тяжёлый, вроде как не из муки. Его прямо горячим отрезали. Возьмешь кусочек и до дома не доносишь – пока идёшь, весь съешь до крошки. Думала: а какая разница, когда его съесть? Помнит, была у них такая Инна. Так вот она вообще одна жила, есть ей было нечего – по карточкам очень мало давали, она стала опухать и попала в больницу.

У них была своя столовая, кафетерий наверху, и они решили сдать карточки на рацион: три раза в день ходить питаться – завтракать, обедать и ужинать.

Но чего-либо похожего на знакомые россиянам многомесячные невыплаты зарплат не наблюдалось. Во всяком случае, сведений о том, чтобы где-либо карточки вообще не отоваривались неделями или месяцами, автору этой книги обнаружить не удалось.

На одних только нормированных продуктах прожить было достаточно сложно. У кого была возможность, старались докупать продукты на рынке. Как же там складывались цены?

Вознесенский честно признавал, другие законы действовали на свободном колхозном рынке. Здесь закон стоимости действовал в своей рыночной форме закона спроса и предложения. В результате в городах индекс цен на колхозных рынках в 1943 году по сравнению с уровнем довоенного 1940 года увеличился на продукты растениеводства в 12,6 раза и на продукты животноводства – в 13,2 раза. Рост розничного товарооборота на колхозном рынке в 1942 и 1943 военных годах по сравнению с довоенным 1940 годом связан с увеличением розничных цен под влиянием превышения рыночного спроса над предложением.

Можно констатировать, что, несмотря на введённую с началом войны карточную систему распределения продуктов и товаров, несмотря на сильнейшую инфляцию, практически во всех тыловых регионах СССР рубль продолжал сохранять реальную покупательную способность, в первую очередь на рынках, ставших важнейшим фактором выживания населения (поскольку все, имевшие такую возможность, именно на рынках или добывали дополнительные средства к существованию, или, наоборот, могли докупать или обменивать необходимые продукты и вещи).

В самом худшем материальном положении оказались колхозники – карточек им не полагалось, пособия семьям военнослужащих выплачивались только в половинном размере, а вместо зарплаты им начислялись зачастую чисто символические трудовые – «палочки».

Но, несмотря на все трудности, советская финансовая система устояла в годы войны. Государство смогло так регулировать экономику что рубль, даже при имевшейся инфляции, не превратился в

обесцененные бумажки, наподобие «керенок» Временного правительства или мешков «лимонов», которые отдавались за хлеб, времён Гражданской войны.

Ссылки

1. Из личной беседы с ветераном «Юргинского машиностроительного завода» (Кемеровская область, г. Юрга) Жиздюком Петром Дмитриевичем.
2. Из личной беседы с ветераном «Юргинского машиностроительного завода» (Кемеровская область, г. Юрга) Тимофеевой Любовью Кузьминичной.
3. Из разговора с ветераном «Юргинского машиностроительного завода» (Кемеровская область, г. Юрга) Асановым Михаилом Васильевичем.

Литература.

1. Бахарев К. Былое // Российская газета. – 2010. – 4 февр. – С. 6-7.
2. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны – М.: Госполитиздат, 1948. – С. 24-25, 116-117, 122, 128.
3. Жиздюк П. Завод мой – судьба моя // Призыв (Кемеровская обл., г. Юрга, Юрмаш завод). – 1983. – 4 февр. – С. 3.
4. Интернет-сайт «Я помню» – [Электронный ресурс] – Режим доступа – <http://iremember.ru/>
5. Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Отцы-командиры. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. – 225 с.
6. Леонова М. Один из Жездюков – юргинец // Свет Ильича (Кемеровская обл., г. Юрга). – 1968. – 30 авг. – С. 4.
7. Сыроваткин А. Жездюки – семья большая // Свет Ильича (Кемеровская обл., г. Юрга). – 1968. – 27 авг. – С. 4.
8. Юргинский машиностроительный завод – Тверь: ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР, 2003. – С. 29, 61, 63, 118.

Финансовая политика в годы Великой Отечественной войны: деятельность народного комиссара А.Г. Зверева

С.А. Акулова, гр.17Б00 ЮТИ ТПУ; Е.В. Горбачёва, студ. гр. Ю-32
факультета истории, философии и права
ФГБОУ «Омский государственный педагогический университет»
Научные руководители: Портнягина Е.В., к.полит.н., ОмГПУ;
Лощилова М.А., ст. преп., ЮТИ ТПУ

Финансы, как известно, – один из могущественных инструментов экономического и социального развития общества. В финансах мы можем подчас найти ключ к пониманию истории. Люди, постигшие тайны финансов и финансовых механизмов, не случайно играют немаловажную роль в жизни государства и общества. А люди, возглавлявшие Министерство финансов, могут вписать свое имя в историю государства и оказать значительное влияние на развитие экономики и финансов страны.

Арсений Григорьевич Зверев (1900-1969 гг.) - один из этих людей. Обратимся к краткой биографической справке. Родился Арсений Григорьевич в деревне Тихомирово-Высоковского района Московской области в семье рабочего. В семье было 13 детей.

С 1912 г. начал самостоятельную трудовую деятельность: работал на текстильных фабриках Московской области, с 1917 г. – на Трехгорной мануфактуре в Москве.

В 1919 году ушел добровольцем в Красную Армию. В 1920-1921 гг. был курсантом Оренбургского кавалерийского училища. Участвовал в боях против банд Антонова. Демобилизовавшись из армии, «с собой «на память», – как писал в своих воспоминаниях Арсений Григорьевич, – я уносил рану от бандитской пули и боевой орденом».

В 1922-1923 гг. А.Г. Зверев работал старшим уездным инспектором по продовольственным заготовкам. Борьба за хлеб в эти годы, по словам Зверева А.Г., была подлинным фронтом, и потому свое назначение в продовольственный комитет г. Клина он воспринял как боевое партийное поручение.